

Надписывал ли Пушкин «Бориса Годунова» князю Элиму Мещерскому?

В 1933 г. Н. О. Лернер, один из старейших пушкинистов, предложил Государственному литературному музею, который тогда создавался в Москве, приобрести два принадлежавших ему автографа Пушкина. Автографичность одного из этих документов — записи стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» (под заглавием «Совет») — была решительно отклонена специально созданной комиссией, в которую входили «все московские пушкинисты»¹. Другой документ — экземпляр прижизненного издания «Бориса Годунова» с авторской надписью князю Элиму Петровичу Мещерскому — столь же единодушно был рекомендован комиссией к приобретению. В письме от 9 июня 1933 г. будущий руководитель московского Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич сообщал владельцу раритета:

Он для нас вполне приемлем, и все мы, и лично я будем Вам чрезвычайно признательны, если Вы пришлете его нам возможно скорей. Причем я обязуюсь прислать деньги почти с обратной почтой. Говорю «почти» потому, что здесь может быть разница в одном-двух днях. За этот автограф на книге наша Фондовая комиссия предложила Вам уплатить четыреста рублей. К сожалению, как нам сообщили, автограф несколько попорчен. Прошу Вас, многоуважаемый Николай Осипович, не сетовать, что немножечко понизили цену на этот автограф, но я думаю, что Вы согласитесь со мной, что цена вполне хорошая. И я надеюсь, что Вы не откажете мне

---

¹ Подробно об этом см.: Краснобородько Т. И. О псевдопушкинском автографе стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» из собрания Н. О. Лернера // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2013. Вып. 31. С. 219–225.

получить от Вас эту книгу ценной посылкой возможно скорей. Всю мелочь, присланную Вами, мы приобрели и деньги высылаем Вам одновременно с этим письмом. Имейте в виду, что предложенные Вами пушкинские автографы привлекли очень большое внимание всей нашей Фондовой комиссии и рассмотрение и определение цены их не только устанавливалось в самой Фондовой комиссии, но для этого была выделена особая маленькая подкомиссия, которая особо, самым тщательным образом изучала автограф «Совет<а>» и единогласно вынесла заключение, что это почерк не Пушкина, но кем-то написан под Пушкина.¹

О покупке «Бориса Годунова» с неизвестным прежде пушкинским инскриптом В. Д. Бонч-Бруевич сразу же, 16 июня, написал и М. А. Цявловскому, который находился тогда в Ясной Поляне: «Лернер присылает ценной посылкой автограф на книге, который мы у него купили за 400 руб.»². Судя по всему, Лернер не задержал отправку подлинника из Ленинграда, так как уже 26 июля 1933 г. книга была внесена в учетные документы Государственного литературного музея³.

Обратим внимание на немаловажную деталь: цитированные письма Бонч-Бруевича прямо свидетельствуют о том, что решение о покупке принадлежавшего Н. О. Лернеру экземпляра «Бориса Годунова», строго говоря, было принято заочно. Если рукопись с известным пушкинским стихотворением «особая маленькая подкомиссия» рассматривала «особо» и «самым тщательным образом», то книгу с автографом члены комиссии не видели: Бонч-Бруевич просит Лернера прислать приобретенную музеем книгу «возможно скорей» и, объясняя причину «немножечко» пониженной цены тем, что «автограф несколько попорчен», ссылается на информацию неназванных лиц («как нам сообщили»). Такую «заглазную» покупку в принципе можно было бы объяснить, если бы шла речь о давно и хорошо известном пушкинском подлиннике. Однако о существовании книги с пушкинским инскриптом князю Э. Мещерскому прежде ничего не было известно. Впрочем, слухи о ней появились незадолго до этого, в самом начале 1930-х гг. Они, в частности, зафиксированы в дневниковой записи М. А. Цявловского от 30 октября 1930 г.: «У Лернера была “Полтава” — отдельное прижизненное издание с автографом Пушкина кн. Элиму Петровичу Мещерскому (1808–1844). Теперь эта книга за границей»⁴.

¹ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, № 234, л. 2–2 об.

² Там же, ф. 387, № 94, л. 1 об. — 2. М. А. Цявловский в начале 1930-х гг. был директором Музея-усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

³ См.: Летописи Государственного литературного музея. М., 1936. Кн. 1: Пушкин. С. 359.

⁴ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская и С. И. Панов. М., 2000. С. 87, 249.

В информации, которая дошла до Цявловских, скорее всего, соединились сведения о двух разных книгах — «Борисе Годунове» с надписью князю Э. П. Мещерскому, действительно принадлежавшей Лернеру, и «Полтаве» с дарительной надписью И. И. Дмитриеву, которая в 1920–1930-х гг. была у адвоката И. А. Кистяковского в Париже¹. Вероятнее всего, в это же время в пушкинской картотеке Л. Б. Модзалевского появилась новая карточка с его записью: «Н. О. Лернер мне говорил, что он купил экз<емпляр> “Бориса Годунова” 1831 г. с автографом Пушкина: “К. Елиму Мещерскому”» (позднее Модзалевский припишет: «Подл<инник> в Ц<ентральном> Л<итературном> М<узее> в Москве»).

Как бы то ни было, надпись на найденном экземпляре «Бориса Годунова», приобретенном в 1933 г. московским музеем, пополнила свод дарительных инскриптов Пушкина. Первое, предельно краткое печатное сообщение о ней появилось в 1934 г. в обзоре В. Д. Бонч-Бруевича о новых поступлениях в Литературный музей: «Продолжает передачу материалов своего архива Н. О. Лернер. От него мы получили книгу: Сочинения А. С. Пушкина: “Борис Годунов” 1831 г. с автографической надписью поэта: “Елиму Мещерскому”»². В конце того же 1934 г. завершалась работа над академическим сборником «Рукою Пушкина», и надпись князю Элиму Мещерскому сразу же была включена в раздел «Дарительные надписи на книгах», подготовленный Л. Б. Модзалевским. Он датировал автограф предположительно июнем 1836 г. — серединой января 1837 г., когда князь Мещерский, сопровождавший французского дипломата и литератора Ф.-А. Лёве-Веймара, приезжал из Парижа в Петербург и общался с Пушкиным в свете и у общих знакомых. «Борис Годунов», преподнесенный Пушкиным Мещерскому, стал, как отмечал в комментарии Л. Б. Модзалевский, «еще одним материальным следом их встреч» — наряду с книгой А. Дешана³, отмеченной дарительной надписью автора князю Э. Мещерскому, который передал ее Пушкину в июне 1836 г. (поэтический сборник А. Дешана сохранился в пушкинской библиотеке)⁴.

¹ См.: *Теребенина Р. Е.* Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР за 1958–1968 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 117, 120; *Зильберштейн И. С.* Поэт дарит свои книги // Парижские находки: Эпоха Пушкина. М., 1993. С. 30.

² *Бонч-Бруевич В. Д.* Новые поступления в московский Литературный музей // Литературное наследство. М., 1934. Т. 15. С. 300.

³ *Deschamps A.* Dernières Paroles: Poésies. Paris, 1835.

⁴ См.: *Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер.* М.; Л., 1935. С. 717–719; *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 222. (№ 867).

В то время, когда сборник «Рукою Пушкина» еще находился в печати, в Москве началась работа над первым выпуском «Летописей Государственного литературного музея», целиком посвященным Пушкину. В письме от 22 января 1935 г. М. А. Цявловский просил Л. Б. Модзалевского в срочном порядке прислать комментарии «к надписи на [“Евг<ени> Онегине>”] “Бор<ис> Годунове” (?) кн. Э. Мещерскому»: «В машинописном экземпляре “Рукою Пушкина” у нас нет страниц с этим комментарием (ни текста надписи). Высылай его в сокращенном виде со ссылкой, что подробности см. в “Рукою Пушкина”»¹. Похоже, что знакомство Цявловского с новым автографом Пушкина продолжало оставаться заочным: он твердо не помнит, ни на каком именно издании сделана надпись Э. Мещерскому (в дневниковой записи была «Полтава», здесь возникает и сразу же зачеркивается «Евгений Онегин», а «Борис Годунов» сопровождается знаком вопроса), ни содержания самой надписи. Просьба Цявловского была сразу же исполнена Модзалевским². Так инскрипт на «Борисе Годунове» был напечатан в третий раз за короткое время³.

Новый документ сразу же вошел в исследовательский оборот. В 1937 г. увидело свет монографическое исследование А. Мазона «Князь Элим», впервые всесторонне осветившее личность и деятельность известного в свое время дипломата, поэта, переводчика, неутомимо знакомившего европейский культурный мир с русской литературой, мало или почти совсем неизвестной на Западе. По убеждению французского слависта, «никогда русская поэзия не имела переводчика более тонкого, более уверенного, более живого <...>, переводчика, каким-то чудом сумевшего передать по-французски божественную простоту Пушкина, не отягчая и не опошляя ее. Многие из его переводов — настоящие шедевры»⁴. Биограф Э. Мещерского не упустил из виду и вновь открытый пушкинский раритет, посвятив ему несколько строк: «Мы знаем, что Пушкин в 1831 г. послал князю Элиму экземпляр “Бориса Годунова” со своей надписью и что князь Элим, в свою очередь, подарил Пушкину свой экземпляр “Dernières Paroles” Антони Дешана, с дарственной надписью последнего; но мы не имеем никаких иных указаний на личные сношения поэтов»⁵. На страницах «Литературного наследства» впервые была воспроизведена и сама запись на «Борисе Годунове» (правда, более чем с двукратным уменьше-

---

¹ РО ИРЛИ, ф. 187 (Л. Б. Модзалевского) (в настоящее время фонд проходит научно-техническую обработку). Выделенные курсивом слова в автографе подчеркнуты М. А. Цявловским.

² См.: Там же, ф. 387, № 241, л. 13–14 об. (письмо Л. Б. Модзалевского к М. А. Цявловскому от 27 января 1935 г.).

³ См.: Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. С. 359.

⁴ Mazon André. «Князь Элим» // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 412.

⁵ Там же. С. 384.

нием, не дающим точного представления о почерке)¹. Мазон был убежден, что Пушкин послал Мещерскому свою трагедию в год ее появления в свет, и именно послал, а не преподнес, так как в 1831 г. князь Мещерский отсутствовал в России. Здесь нет спора с Л. Б. Модзалевским, который иначе датировал надпись на книге: просто к моменту передачи своей работы в редакцию «Литературного наследства» А. Мазон еще не был знаком с публикациями последнего².

Между тем книга «Рукою Пушкина» — первый опыт публикации свода текстов писателя «нетворческого» характера, которые обычно не включались в собрания сочинений, вызвала заинтересованное обсуждение в профессиональной среде. Одна из обстоятельных рецензий принадлежала ленинградскому пушкинисту Н. К. Козмину. Включение в корпус пушкинских инскриптов новой записи на «Борисе Годунове» вызвало у него сомнения палеографического свойства: «В отделе “Дарительные надписи на книгах” есть надпись “К. Елиму Мещерскому” <...>. Почерк — едва ли пушкинский. Известно, что дарственные надписи на экземплярах сочинений Пушкина иногда делались не его рукой, но по его поручению (см. стр. 710)»³. Здесь Козмин имеет в виду дарительную надпись на «Руслане и Людмиле», также впервые напечатанную в томе «Рукою Пушкина»: «Его Высоко-Превосходительству Милостивому Государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Сочинителя»⁴ (она сделана рукой отца поэта С. Л. Пушкина⁵). Обратим внимание: недоверие Н. К. Козмина вызвало не содержание записи, оказавшейся в разряде дарительных, а только почерк. Значит, экземпляр «Бориса Годунова» с надписью князю Э. Мещерскому он видел, и, скорее всего, когда книга еще была у Лернера. Козмину, проработавшему в Пушкинском Доме с 1919 по 1933 г., в том числе и хранителем Рукописного отделения, нельзя было отказать в знании пушкинского почерка. И, как представляется, Л. Б. Модзалевский не пренебрег высказанными в рецензии сомнениями старшего коллеги по рукописному «цеху». Более того, вскоре он радикально пересмотрел свою точку

---

¹ Там же. С. 385. К иллюстрации дана следующая аннотация: «Титульный лист <sic!> первого издания “Бориса Годунова” с дарственной надписью Пушкина Элиму Мещерскому».

² Об этом прямо свидетельствует примечание А. Мазона к цитированному фрагменту, в котором указан единственный источник его сведений о «Борисе Годунове» с надписью Э. Мещерскому — обзор В. Д. Бонч-Бруевича: «Литературное наследство, кн. 15, стр. 300; этот экземпляр “Бориса Годунова” был принесен в дар Н. О. Лернером Литературному музею в Москве» (Там же. С. 483).

³ Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 421.

⁴ В 1930-е гг. книга хранилась в библиотеке Московского университета, в настоящее время — в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 15, № 45).

⁵ В «Рукою Пушкина» указано, что «надпись сделана неизвестною рукою, вероятно, по поручению Пушкина» (С. 710).

зрения. Об этом свидетельствуют неопубликованные материалы, которые отложились в архиве Редакции академического издания Полного собрания сочинений Пушкина, осуществленного в 1937–1959 гг.¹ По первоначальному плану 12-й том этого издания, работа над которым началась в январе 1938 г., должен был называться «Литературные и биографические материалы». В его основу была положена книга «Рукою Пушкина», но со значительно дополненным корпусом текстов и другими принципами систематизации обширного разнородного материала. Проект оглавления будущего 12-го тома был составлен М. А. Цявловским и разослан всем редакторам издания. Л. Б. Модзалевский откликнулся на него обширными замечаниями («дельными», по отзыву Цявловского²), которые послал при письме от 13 февраля 1938 г.³ Одно из них было сформулировано самым решительным образом: «О записи на книге, подаренной кн. Э. П. Мещерскому (стр. 717), скажу окончательно свое мнение: надпись эта не Пушкина рукою. Я в этом теперь окончательно убежден⁴». Цявловский исключил эту запись из раздела «Надписи на книгах и рукописях», сопроводив вычеркивание следующей ремаркой: «По категорическому утверждению Модзалевского подпись не автограф, с чем нужно согласиться». Как известно, том «Литературные и биографические материалы» не был издан так, как был задуман. По требованию Издательства АН СССР весь материал «Рукою Пушкина», как не имеющий первостепенного значения, был изъят⁵. Материалы несостоявшегося тома остались у его редактора М. А. Цявловского. В 1947 г. не стало М. А. Цявловского, в 1948 г. погиб Л. Б. Модзалевский. Таким образом, решение Модзалевского вывести надпись князю Э. Мещерскому на «Борисе Годунове» из состава пушкинских автографов, безусловно поддержанное Цявловским, по существу осталось «закрытым» даже для ближайшего круга пушкинистов. Редколлегия Полного собрания сочинений вплоть до 1953 г. не оставляла попыток преодолеть сопротивление руководства Издательства АН СССР в отношении «многострадального» тома, но оно на уступки не пошло, и том

¹ РО ИРЛИ, ф. 373 (архив не разобран; прошел только предварительную научно-техническую обработку).

² См.: Там же, ф. 387, № 35, л. 6 (письмо М. А. Цявловского Л. Б. Модзалевскому от 23 февраля 1938 г.).

³ Письмо Л. Б. Модзалевского осталось в архиве Цявловского (см.: Там же, № 242, л. 21–22 об.), а его «Замечания на состав XII тома акад<емического> изд<ания> соч<инений> Пушкина» сохранились в архиве Редакции академического издания (РО ИРЛИ, ф. 373).

⁴ Выделенные курсивом слова в оригинале подчеркнуты Л. Б. Модзалевским.

⁵ О судьбе этого неосуществленного тома подробно см.: *Краснобородейко Т. И.* «Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания (по материалам архива Редакции академического издания Собрания сочинений А. С. Пушкина) // *Русская литература.* 1989. № 1. С. 145–152.

«Литературные и биографические материалы» не удалось осуществить даже в качестве приложения к академическому изданию, к тому времени уже объявленному завершённым.

Так сборник «Рукою Пушкина» остался (и продолжает оставаться) единственным сводом пушкинских записей подобного рода, а дарительная надпись князю Элиму Мещерскому, впервые напечатанная в этом издании одним из самых авторитетных экспертов в области пушкинского почерка, каким был хранитель рукописей поэта Л. Б. Модзалевский, продолжает сохранять свое место в фонде пушкинских автографов. Ее принадлежность руке Пушкина в дальнейшем вопросов не вызывала. В 1948 г. экземпляр «Бориса Годунова» с «дарственной надписью» князю Э. П. Мещерскому был описан К. П. Богаевской в «Каталогах фондов Государственного литературного музея»¹. В том же году книга поступила на хранение в Пушкинский Дом и под № 1686 была внесена в архивную опись автографов Пушкина (ф. 244, оп. 1), подготовленную и напечатанную О. С. Соловьевой². Вплоть до настоящего времени ни одно справочное пушкиноведческое издание не обходится без упоминания об этом экземпляре. О «Борисе Годунове», надписанном Э. Мещерскому летом 1836 г., можно прочитать в комментариях к письмам Карамзинных³, в обзоре архива князя Э. П. Мещерского, поступившем из Парижа в РГАЛИ через И. С. Зильберштейна⁴, в биографическом справочнике Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение»⁵, в соответствующих томах «Летописи жизни и творчества» Пушкина⁶ и «Пушкина в прижизненной критике»⁷. В статье В. В. Кунина «Пушкин дарит “Бориса Годунова”» экземпляру князя Э. Мещерского посвящен отдельный сюжет⁸.

В «Замечаниях на состав XII тома», отправленных Цявловскому в феврале 1938 г., Л. Б. Модзалевский не аргументировал своей радикально изменившейся точки зрения на принадлежность руке Пушкина записи

---

¹ Каталоги фондов Государственного Литературного музея. А. С. Пушкин: Рукописи. Документы. Иллюстрации. М., 1948. Вып. 7. С. 27 (№ 4).

² См.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. С. 81.

³ См.: Пушкин в письмах Карамзинных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 344 (коммент. О. А. Пини).

⁴ См.: *Снытко Н. В.* Парижский корреспондент: (Об архиве Элима Мещерского) // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 39.

⁵ См.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 263.

⁶ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 4 (1833–1837) / Сост. Н. А. Тархова; Науч. ред. Я. Л. Левкович. С. 467.

⁷ См.: Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 332.

⁸ См.: *Кунин В.* Пушкин дарит «Бориса Годунова» // В мире книг. 1982. № 2. С. 71, 72–73.

на «Борисе Годунове». Соображения, которыми руководствовался Модзалевский, к сожалению, остались нам неизвестными. Попробуем, однако, обосновать его точку зрения — с перерывом почти в 80 лет.

Сначала рассмотрим сам экземпляр «Бориса Годунова», прежде подробно не описанный. Он интересен своей антикварно-библиофильской историей, которую можно проследить с начала XX в.

На третьей странице издательской обложки книги приклеен торговый ярлык: «Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. СПб. Литейный пр. 55», на четвертой — сохранилась карандашная помета букиниста: «Т. <?> 4 / XI 906», фиксирующая, вероятно, дату поступления книги в магазин¹. От Василия Ивановича Клочкова (1861 или 1862–1915) — библиофила, издателя, антиквара, потомственного петербургского книготорговца, внучатого племянника А. Ф. Смирдина, который в 1831 г. выкупил тираж пушкинского «Бориса Годунова», книга попала к коллекционеру, библиофилу и библиографу Николаю Кузьмичу Синягину (1873 или 1874–1912)². Сын богатого хлеботорговца, наследник огромного состояния, Синягин в начале 1900-х гг. построил больницу при Институте экспериментальной медицины, оснастив ее по последнему слову техники, оставил торговую деятельность и целиком посвятил себя книжному собирательству. Значительную часть своей библиотеки он собрал при содействии В. И. Клочкова. К концу жизни Синягина она насчитывала до 20 000 томов и включала, среди прочего, книги всех русских классиков в первых изданиях. Печатный экслибрис известного коллекционера: «Библиотека Н. К. Синягина № 9963»³ — наклеен на оборот свободного листа переднего форзаца пушкинского «Бориса Годунова». Этот экземпляр «одет» в превосходный переплет⁴ и отмечен штемпелем А. А. Шнеля, лучшего петербургского переплетчика конца XIX — начала XX в. (По-

---

¹ Точно такая же помета («4/XI 1906») рядом с ярлыком книжной торговли В. И. Клочкова есть, например, на прижизненном издании «Бахчисарайского фонтана» — также из библиотеки Н. К. Синягина (восходит к собранию Ф. А. Витберга) (см.: Прижизненные издания и публикации А. С. Пушкина в собрании Государственного музея А. С. Пушкина / Сост. О. В. Аснина, Ю. Ю. Гречихова, Е. А. Пономарева. М., 2016. С. 16, 54–55).

² Подробно о нем см.: Шилов Ф. Г. Записки старого книжника // Шилов Ф. Г. Записки старого книжника; Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. М., 1990. С. 80–85.

³ Описание экслибриса Н. К. Синягина см. в кн.: Богомолов С. И. Российский книжный знак. 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010. С. 754 (№ 14394, 14394а).

⁴ Корешок и уголки составного переплета выполнены из кожи темно-коричневого цвета, на корешке с пятью бинтами на наклейке из черной кожи золотым тиснением: «А. Пушкинъ / Борисъ / Годуновъ»; крышки — декоративная бумага ручного изготовления «под мрамор», форзацы — декоративная бумага ручного изготовления с растительными мотивами; верхний золотой обрез; трехцветное (желто-красно-зеленое) шелковое ляссе.

путно отметим, что именно в процессе переплетания книги оказались слегка обрезанными две заглавные буквы в надписи: «К» и «Е», что впоследствии и дало повод Фондовой комиссии московского Литературного музея снизить цену на «несколько попорченный» автограф, предложенный Лернером.)

Н. К. Синягин умер в 1912 г., его библиотеку унаследовал брат — И. К. Синягин. В конце 1917 г. он продал ее антиквару и библиофилу Павлу Викентьевичу Губару (1885–1976), который в 1923 г. вместе с букинистом Н. М. Волковым, до революции работавшим у В. И. Клочкова, открыл книжный магазин «Антиквариат». Большая часть книг из библиотеки Синягина была распродана через этот магазин на Невском проспекте¹. Часть библиотеки осталась у самого Губара (в его собрании, которое в настоящее время хранится в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве, насчитывается до 200 книг с экслибрисом Н. К. Синягина)². «Для себя лично Губар оставил все первые издания Пушкина, исключительную коллекцию альманахов, все увражи, относящиеся к Петербургу, прекрасный подбор книг по истории Петербурга, увражи знаменитых зодчих <...>. Однако впоследствии он стал все это распродавать»³, — вспоминал известный петербургский книгопродавец Ф. Г. Шилов, в собственность которого в июле 1927 г. перешел губаровский «Антиквариат» и который продолжил в нем букинистическую торговлю по «крайне умеренным» ценам.

В коллекции прижизненной пушкинианы П. В. Губара оказалось, как минимум, три отдельных издания из библиотеки Н. К. Синягина: «Бахчисарайский фонтан» (1824), «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (1831) и «Две повести в стихах» («Граф Нулин» Пушкина и «Бал» Е. А. Баратынского) (1828)⁴. При этом последнее издание было зарегистрировано в собрании Синягина практически одновременно с интересующим нас экземпляром «Бориса Годунова»: у них близкие номера на экслибрисах (соответственно № 9960 и № 9963), обе книги отмечены торговым книжным знаком В. И. Клочкова и личным штемпелем А. Шнеля, оформившего их близкими по стилю переплетами.

---

¹ См.: *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника; *Мартынов П. Н.* Полвека в мире книг. С. 46, 84–85, 277–279.

² См.: Прижизненные издания и публикации А. С. Пушкина в собрании Государственного музея А. С. Пушкина. С. 17.

³ *Шилов Ф. Г.* Записки старого книжника. С. 84–85.

⁴ См.: Прижизненные издания и публикации А. С. Пушкина в собрании Государственного музея А. С. Пушкина. С. 10–11, 16–17, 54–55, 84–85, 98–99, 164. Из библиотеки Н. К. Синягина происходит и принадлежавший Губару «Невский альманах на 1827 год» (с отрывками из «Бахчисарайского фонтана», напечатанными в качестве пояснения к четырем гравюрам С. Ф. Галактионова).

Почему синягинский «Борис Годунов» изначально не попал в тщательно подобранную пушкиниану П. В. Губара?¹ Когда и у кого приобрел его Н. О. Лернер? Не этот ли экземпляр «Бориса Годунова» зафиксирован во 2-м и 3-м выпусках каталога книжного магазина «Антиквариат», изданных соответственно П. В. Губаром (в 1927 г.) и Ф. Г. Шиловым (в 1928 г.)?² На все эти вопросы сегодня можно ответить лишь предположительно.

Кажется наиболее вероятным, что экземпляр «Бориса Годунова» из расплывшейся библиотеки Н. К. Синягина оказался в руках Лернера именно в это время, в 1927 или 1928 г.³ Отметим, кстати, что во втором выпуске каталога книжного магазина «Антиквариат» отдельное прижизненное издание «Бориса Годунова» в переплете оценено в 10 руб., в третьем — в 7 руб. (для сравнения: за парижское издание «Басен» И. А. Крылова (1825) «в великолепном переплете работы Шнеля» Ф. Г. Шилов в 1928 г. просил 10 руб.).

Итак, «Борис Годунов» с надписью князю Э. Мещерскому появился на букинистическом рынке в середине 1900-х гг. без «автографической легенды». За 20 последующих лет книга прошла через руки опытейших

---

¹ В собрании П. В. Губара, переданном его вдовой А. Г. Ливер в Государственный музей А. С. Пушкина (Москва), есть прижизненное издание «Бориса Годунова» в скромном коленкором переплете с владельческими надписями Я. Неверова и К.-А. Варнгагена-фон-Энзе (см.: Прижизненные издания и публикации А. С. Пушкина в собрании Государственного музея А. С. Пушкина. С. 96).

² См.: Книжный магазин «Антиквариат» П. В. Губар: Книги русские и иностранные. Последние приобретения: Каталог № 2. Л., 1927. С. 22 (№ 249); Книжный магазин «Антиквариат» Ф. Г. Шилова (б. П. В. Губара): Книги русские и иностранные из Б-к Н. К. Синягина, П. В. Губара и др.: Каталог № 3. Л., 1928. С. 27 (№ 295). Отсутствие на экземпляре «Бориса Годунова» с надписью князю Э. Мещерскому торгового книжного ярлыка «Антиквариата» позволяет допустить и тот вариант, что Лернер мог приобрести книгу непосредственно у Губара или Шилова, минуя магазин.

³ Косвенным доказательством этого предположения может послужить еще один факт. В октябре 1926 г. Лернер предложил Пушкинскому Дому приобрести у него за 300 руб. три автографа Пушкина: беловой стихотворения «<Е. П. Бакуниной>» («Напрасно воспевать мне ваши именины...»), начало стихотворения П. А. Вяземского «Прощание с халатом» (собственноручно переписанное Пушкиным) и пушкинское четверостишие «Так старый хрыч цыган Илья...», представляющее строфу к стихам Д. В. Давыдова «Люблю тебя как сабли лоск...» (см.: *Иванова Т. Г.* Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб., 2006. С. 161–162.). У этих рукописей было безупречное происхождение: первые две принадлежали наследникам Е. П. Бакуниной, третья восходила к известному собранию Э. П. Юргенсона. Лернеру они принадлежали с 1910-х гг. и были им опубликованы в журналах «Нива» (1913. № 43) и «Столица и усадьба» (1915. № 48). Дело о покупке тянулось долго, но все же пушкинские подлинники были приобретены Академией наук для Пушкинского Дома в мае 1927 г. (за 225 руб.) (совр. шифры: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 11, 152, 695). О других автографах Пушкина, принадлежавших Лернеру в то время, ничего не было известно. Можно утверждать, что их просто не существовало.

петербургских букинистов и библиофилов, и ни разу за это время в их кругу не возникало предположений о том, что она отмечена посвящением автора. Инскрипт на «Борисе Годунове» приписал руке Пушкина именно Н. О. Лернер, и с этой атрибуцией, освященной авторитетом старейшего пушкиниста, экземпляр в 1930-е гг. вошел в фонд пушкинских автографов.

Рассмотрим запись на «Борисе Годунове» более подробно.

Прежде всего, нужно согласиться с Н. К. Козьминым и Л. Б. Модзалевским в том, что это не автограф Пушкина, хотя неискушенному взгляду почерк и может показаться пушкинским, но именно показаться. Это почти каллиграфическая запись, в общем лишенная «индивидуальности», кроме того — предельно короткая: в ней всего 16 букв, причем 3 из них повторяются. В подобных случаях полагаться исключительно на экспертизу почерка некорректно и бесперспективно — из-за недостаточности графического материала.

Заметим к тому же, что во всех предшествующих публикациях текст инскрипта был передан неточно: «Елиму Мещерскому» (в сообщении В. Д. Бонч-Бруевича), «К. Елиму Мещерскому» (в книге «Рукою Пушкина»), «К Елиму Мещерскому» (в «Летописях Государственного литературного музея»). В действительности на обложке «Бориса Годунова» написано «К: Елиму Мещерскому». Подобное сокращение (с двоеточием вместо точки), широко распространенное в допушкинское и пушкинское время, для самого Пушкина не было характерно. Мною были фронтально просмотрены все хранящиеся в Пушкинском Доме письма с адресами, посланные Пушкиным его «сиятельным» корреспондентам — князю П. А. Вяземскому и его жене, а также князю В. Ф. Одоевскому. При всем неожиданном разнообразии вариантов «адресной формулы» («Его Сиятельству Кн. Петру Андреевичу Вяземскому», «Кн. Петру Андр. Вяземскому», «К. В. Ф. Вяземской», «Кн. Вяземскому», «Кн. П. А. Вяземскому», «Е. С. Кн. Одоевскому», «Его Сиятельству М. Г. К. Владимиру Федоровичу Одоевскому», «Князю Одоевскому» и т. п.) сокращение «К:» (и вообще двоеточие вместо точки в сокращениях) не встретилось ни разу¹.

¹ Справедливости ради надо сказать, что несколько исключений в рукописях Пушкина все же встретилось — правда, не в сокращении титула: «11 нояб<ря> 1823. Од.» (помета под стихотворением «Простишь ли мне ревнивые мечты...»; РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 53); «Здесь в П. Б: дают мне (à la lettre) 10 рублей за стих» (письмо С. А. Соболевскому от ноября (после 10-го) 1827 г.; Там же, № 498, л. 1 об.); «позволить Надв: совет: Афанасью Николаевичу Гончарову» (записка о статуте Екатерины II при письме к М. Я. Фон-Фоку от 9 августа 1830 г.; Там же, № 524); «письмо адресуйте в Лук: Уезд в село Абрамово для пересылки в Болдино» (письмо Н. Н. Гончаровой около (не позднее) 29 октября 1830 г.; Там же, № 527, л. 1 об.; подчеркнуто Пушкиным). Но это исключительные случаи, которые лишь подтверждают окказиональность употребления Пушкиным двоеточия при сокращении слов. Отметим также,

Надпись на «Борисе Годунове», кроме того, решительно противоречит традиции пушкинского дарительного инскрипта¹. В зависимости от «адресата» и его отношений с Пушкиным, надпись могла быть предельно лаконичной или этикетно изысканной и почтительной, но у Пушкина она всегда состояла из двух элементов (адресат — даритель). Вот, к примеру, его авторские посвящения на известных экземплярах «Бориса Годунова»:

«Его Высокопревосходительству / Милостивому Государю / Ивану Ивановичу Дмитриеву / От Автора» (около 3 января 1831 г.)²;

«Баратынскому / от А. Пушкина / Москва / 1831 / Янв. 12»³;

«Княгине Екатерине Семеновне Гагариной / от Пушкина. Семеновой — от сочинителя»⁴.

Особняком в этом ряду стоит надпись П. Я. Чаадаеву. Она, хотя и сделана на самой книге, справедливо рассматривается как сопроводительное письмо и включается в переписку поэта: «Вот, друг мой, мое любимое сочинение. Вы прочтете его, так как оно написано мною — и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с новым годом. 2 января» (XIV, 139, 423; оригинал по-фр.).

Отметим также, что все сохранившиеся экземпляры «Бориса Годунова» с новогодним «рукоположением»⁵ Пушкина — московские по происхождению. Их объединяет еще одна особенность, сугубо внешняя, относящаяся к издательскому оформлению: все книги «одеты» в обложки приглушенно-розового цвета. Между тем экземпляр с надписью: «К: Елиму Мещерскому» — в издательской обложке желтого цвета. Эта подробность не имеет, конечно, строгого экспертного значения, но любопытна. Гораздо важнее

что в черновом автографе письма А. И. Казначееву от 25 мая 1824 г. есть двоеточие при инициале, но его нужно рассматривать как знак перед прямой речью: «Повторяю здесь то, что уже известно Графу М. С: если бы я хотел служить, то никогда бы не выбрал себе другого начальника» (Там же, № 442, л. 1 об.).

¹ Особенности владельческих и дарительных надписей Пушкина подробно рассмотрены мною в статье «История одной мистификации: (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго»)» (см.: Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 269–281).

² РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1681.

³ Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, отдел личных коллекций (Инв. ГМИИ МЛК МЕМО 650). О судьбе этого экземпляра «Бориса Годунова» см.: Волкова Н. Автографы Пушкина из коллекции И. С. Зильберштейна обрели свое постоянное место // Библиофилы России. М., 2014. Вып. 11. С. 281–288.

⁴ Рукою Пушкина. С. 716 (местонахождение подлинника неизвестно).

⁵ Это остроумное определение дарительного инскрипта принадлежит М. П. Погдину, который получил «Бориса Годунова» 3 января (см.: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 31), но его экземпляр не дошел до нас, как и сам текст пушкинского «рукоположения».

другое: нам вообще неизвестны книжные «рукоположения» Пушкина, которые по своей форме и содержанию больше напоминают «адресную строку» на конверте, нежели авторское посвящение. Даже если допустить, что Пушкин с окаязией передал свое «любимое сочинение» князю Э. Мещерскому, то он никогда бы так его не надписал. Основанием для подобного категорического утверждения могут служить не только надписанные экземпляры «Годунова», но, например, и эпизод с отправкой в Оренбург в последних числах февраля 1835 г. другой книги Пушкина. «Посылаю тебе Историю Пугачева <...>, — писал Пушкин в короткой сопроводительной записке В. А. Перовскому, — и еще 3 экзempl<яра>, Далю, Покотилкову и тому охотнику, что Вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем»¹. Экземпляр оренбургского военного губернатора имеет авторское посвящение: «Его Превосходительству / Василью Алексеевичу / Перовскому / от Автора»². Есть оно и на книге, предназначенной для В. И. Даля: «Казаку Луганскому / от Автора»³. Надо полагать, что Пушкин снабдил посвящениями и остальные два экземпляра «Истории» — В. О. Покотилкову и К. Д. Артюхову («охотнику»), но они, к сожалению, до нас не дошли.

Итак, надпись «К: Элиму Мещерскому» на прижизненном издании «Бориса Годунова» не является авторской (дарительной или сопроводительной). Но возможно ли установить, чьей рукой она сделана?

С апреля 1829 г. князь Э. П. Мещерский числился переводчиком сверх штата при русской дипломатической миссии в Турине⁴. Его пребывание в Италии не было постоянным. Так, в начале 1830 г. Мещерскому было разрешено отправиться в Ниццу для лечения. Во Франции же состоялось его первое выступление на литературном поприще: 26 июня 1830 г. в марсельском обществе «Атений» («Атенеум») Мещерский произнес речь «О литературе русской», которая сразу же была напечатана в «Revue de Provence» и в июле вышла в Марселе отдельным изданием. А. Мазон писал, что лекция князя Элима «заслуживает внимания, несмотря на то что дело идет о юношеской работе и о сообщении, сделанном “по памяти” на тему, слишком обширную, чтобы быть исчерпанной в одном докладе. Это не что иное, как одна из первых попыток дать на французском языке полное обозрение истории русской литературы или, точнее, русской поэзии»⁵. Речь князя-дипломата вызвала отклик и в России. 12 ноября

---

¹ Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 83, 257.

² РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1684 (сохранилась только верхняя обложка одного из томов с пушкинским инскриптом).

³ До 2013 г. этот экземпляр «Истории Пугачевского бунта» (сохранились оба тома) принадлежал известному московскому антиквару И. С. Горбатову.

⁴ См.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1830. Часть первая. СПб., 1831. С. 14, 290; Mazon André. «Князь Элим». С. 377.

⁵ Mazon André. «Князь Элим». С. 418.

1830 г. «Литературная газета» напечатала присланную А. И. Тургеневым статью из журнала «Le Sémaphore de Marseille» о лекции «юного нашего соотечественника», а в начале 1831 г. О. М. Сомов поместил в двух номерах «Литературной газеты» (№ 6 и 7) подробный благожелательный разбор этой речи, в которой значительное внимание было уделено заслугам Жуковского и Пушкина как главных представителей русской романтической школы. «О Пушкине автор отзывается с жаром юного сердца <...>, — писал издатель «Литературной газеты», — упоминает о *Борисе Годунове* (тогда еще неизданном и коего заглавия не знал он) как о первой русской драме, написанной в правилах романтических»¹. «Борис Годунов» поступил в продажу 23 декабря 1830 г. Князь Элим был в это время в Турине и не приезжал в Россию вплоть до апреля 1832 г. Можно было бы допустить, что недавно вышедшая трагедия Пушкина — в качестве признательного жеста — была послана автору марсельской речи кем-то из круга «Литературной газеты»: самим О. М. Сомовым, или А. А. Дельвигом, или П. А. Плетневым, который, как известно, доставлял «по распределению» Пушкина его новые книги (см.: XIII, 147, 255; XIV, 41, 143). Так, уже на следующий день по выходе «Бориса Годунова» Плетнев принес книгу И. И. Козлову². Видимо, Плетнев же доставил только что напечатанное сочинение Пушкина и в Зимний дворец (9 января 1831 г. Бенкендорф уведомлял поэта, что Николай I прочел «Бориса Годунова» «с особым удовольствием» — XIV, 142). Однако, к сожалению, ни один из трех названных кандидатов на «авторство» надписи «К: Елиму Мещерскому» не подходит по почерку.

Логично также предположить, что надпись «К: Елиму Мещерскому» могла принадлежать кому-то из близкого окружения самого князя.

С октября 1830 г. до конца 1831 г. в Турине жил С. А. Соболевский. В одном из писем к С. П. Шевыреву, который находился тогда в Риме, он, в частности, сообщал: «Здесь набралось русских, по туринскому, много. Княжна Голицына и Воронцова, ее неразлука; мой друг барон Лифляндский, коего имени не знаю, и находящиеся при посольстве Элим Мещерский и Штерич. Мещерский мне дал Северные цветы на 1831»³.

Упомянутый в письме Соболевского Штерич — это Евгений Петрович Штерич (1809–1833), талантливый музыкант, композитор-дилетант, ка-

---

¹ Литературная газета. 1831. № 7, 31 января С. 58–59 (цензурное разрешение 7 февраля). См. также: Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 49–51, 332–335 (коммент. С. Б. Федотовой).

² См.: Старина и новизна. СПб., 1906. Т. 11. С. 50.

³ Русский архив. 1909. Кн. 2. С. 497 (письмо С. А. Соболевского к С. П. Шевыреву от 23 мая 1831 г.). «Северные цветы на 1831 год» поступили в продажу 24 декабря 1830 г., днем позже «Бориса Годунова». Нельзя исключить, что эти новинки петербургского книжного рынка могли прийти к князю Э. Мещерскому с одной оказией.

мер-юнкер, блиставший в большом свете, чиновник Министерства иностранных дел, в конце 1820-х гг. только начинавший службу на дипломатическом поприще. Он был причислен к русскому посольству в Турине в конце лета 1830 г.¹ Родственник А. О. Смирновой-Россет, близкий друг М. И. Глинки, который посвятил ему свои вариации на тему арии из оперы Г. Доницетти «Анна Болена», приятель В. А. Соллогуба и Н. М. Смирнова, Евгений Штерич был не чужим человеком в пушкинском кругу. Штеричи жили в Петербурге в доме № 101 по набережной Фонтанки, который генеральша С. И. Штерич приобрела в 1823 г. у А. Н. Оленина². В 1827 г. там поселилась А. П. Керн. В сентябре 1828 г. в салоне Олениных состоялось знакомство Штерича с Пушкиным³. В 1826–1828 гг. его имя нередко встречается на страницах дневника А. В. Никитенко, который в эти годы жил в доме Штеричей в качестве домашнего учителя и читал молодому Штеричу курс русского языка, словесности и истории. «Я люблю его, — признавался Никитенко в одной из дневниковых записей. — Он благороден, добр, постигает все прекрасное и возвышенное; у него есть воображение, и притом самое утонченное, светское образование. Обращение его исполнено мягкости и прелести, происходящих не от форм, а от души. Он постиг искусство нравиться в его самом привлекательном виде, то есть любовью склоняя к себе сердца»⁴. В архиве Никитенко сохранились письма его ученика⁵. Как мне представляется, почерк этого корреспондента Никитенко в целом ряде характерных графических элементов совпадает с почерком, каким надписан князю Э. Мещерскому «Борис Годунов», и это (в дополнение к высказанным ранее соображениям) позволяет атрибутировать надпись на книге Е. П. Штеричу⁶.

Когда Штерич мог послать новую пушкинскую книгу своему коллеге и приятелю по туринской миссии?

---

¹ См.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1831. Часть первая. СПб., 1832. С. 15, 287–288.

² См.: Шубин В. Ф., Файбисович В. М. К литературной жизни пушкинского Петербурга // Русская литература. 1982. № 3. С. 156.

³ Подробнее о Е. П. Штериче см.: Соллогуб В. А. Воспоминания. СПб., 1887. С. 58–60; Мительман Е. Друг молодости Глинки // Музыкальная жизнь. 1984. № 12. С. 17; Оленина А. А. Из «Дневника» // Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 87; Глинка М. И. Записки / Подгот. А. С. Розанов. М., 1988. С. 34, 39–46.

⁴ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. [Л.] 1955. Т. 1. С. 124.

⁵ См.: РО ИРЛИ, № 18754 (четыре из девяти писем датированы 1826 и 1827 г., из недатированных два (л. 11, 17–18) по содержанию можно отнести к лету 1832 г.).

⁶ Помимо упомянутых ранее рукописей Плетнева, Дельвига, Сомова были обследованы рукописи еще целого ряда лиц из окружения Э. П. Мещерского 1830-х гг. — А. А. Краевского, А. В. Никитенко, А. П. Керн, М. И. Глинки, С. П. Шевырева, С. А. Соболевского, М. П. Погодина, Карамзиных–Мещерских, М. Ю. Виельгорского (как возможных кандидатов «на авторство» надписи).

Это могло произойти и в 1831 г., когда, отлучаясь из Турина (в течение сезона Штерич постоянно выезжал в Милан на оперные премьеры, летом лечился на водах в Германии)¹, он мог получить книгу от путешествующих соотечественников и переслать ее в Турин.

Нельзя исключить и весну–лето 1832 г., когда оба находились в Петербурге. В апреле этого года князь Мещерский получил четырехмесячный отпуск для поездки в Россию, в этом же месяце покинул Турин и заболевший Штерич. Судя по письмам, сохранившимся в архиве А. В. Никитенко, они находились в постоянном общении. Так, в одном из писем (его можно датировать началом 20-х чисел августа) Е. П. Штерич приглашал своего бывшего наставника «разделить приятельскую трапезу»² вместе с ним и Мещерским, в другом — просил вручить своему «посланному рукопись французскую, которую <...> дал Князь Мещерской, когда мы вместе у него были»³. Таким же путем, через «посланного» Штерича, мог попасть к Мещерскому и пушкинский «Борис Годунов»⁴. Личное общение князя Э. Мещерского и Е. Штерича закончилось летом 1832 г. Мещерский 30 августа был причислен к русскому посольству в Париже и вскоре покинул Петербург, а Штерич, продолжавший состоять при миссии в Турине, туда больше не вернулся. Он скончался в марте 1833 г. от «лютой чахотки после шестимесячных страданий»⁵. Таким образом, экземпляр «Бориса Годунова», приобретенный Государственным литературным музеем у Н. О. Лернера и сохраняемый ныне в Пушкинском Доме в составе пушкинского рукописного фонда, вероятнее всего, остался одним из «материальных следов» общения двух русских аристократов, которых судьба на короткое время свела на дипломатическом поприще в Турине.

Подведем итог. На вопрос, поставленный в заглавии статьи: «Надписывал ли Пушкин “Бориса Годунова” князю Элиму Мещерскому?», — приходится отвечать отрицательно — к огромному сожалению, потому что фонд пушкинских рукописей уменьшается на одну архивную единицу.

© Красноробородько Т. И., 2017

---

¹ См.: Глинка М. И. Записки. С. 42–46.

² РО ИРЛИ, № 18754, л. 17 об. — 18

³ Там же, л. 11.

⁴ В 1832 г. «Борис Годунов» еще продавался в книжном магазине А. Ф. Смирдина (см.: Смирнов-Сокольский Ник. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 261).

⁵ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. С. 127–128. «А бедный Штерич! Сегодня или завтра он скончается в чахотке, — сообщал Плетнев В. А. Жуковскому 11 марта 1833 г. — Такой ли быстрой конец он назначал себе при этом блистательном начале?» (Плетнев П. А. Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 528).

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуро, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7